

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-15>

УДК 340.12

Attribution

cc by

ПРОБЛЕМА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА
В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ДОКТРИНАХ

Самушкин Н.Д.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, e-mail: NDSamushkin@msal.ru

Аннотация. В статье отражены современные политико-правовые концепции, предметом которых выступают проблемы технологического развития и, в частности, достижения технологического лидерства в условиях глобальной конкуренции государств. В работе делается акцент на приоритете науки и технологий в политике ведущих государств мира. Раскрывается развитие технократических концепций в политико-правовой мысли, отмечаются тенденции их популяризации и распространения, влияние на национальную политико-правовую мысль некоторых современных государств (на примере Китая и Ирана). В частности, анализируя опыт азиатских государств, автор отмечает общие тенденции модернизации экономики, приоритет национально-культурных особенностей государств, утилитарный характер модернизации, нацеленность на достижение экономического и политического лидерства на международной арене при условии сохранения национальной культурной идентичности.

Ключевые слова: технократия, технологический детерминизм в политико-правовых доктринах, технологическое лидерство, технологический суверенитет, государственная политика научно-технологического развития.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROBLEM OF TECHNOLOGICAL LEADERSHIP
IN MODERN POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES

Nikita D. Samushkin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Abstract. The article reflects modern political and legal concepts, the subject of which are the problems of technological development and, in particular, the achievement of technological leadership in the context of global competition between states. The work emphasizes the priority of science and technology in the policies of the world's leading states. The development of technocratic concepts in political and legal thought is revealed, trends in their popularization and dissemination, and their influence on the national political and legal thought of some modern states (using China and Iran as an example) are noted. In particular, analyzing the experience of these Asian states, the author notes the general trends in economic modernization, the priority of national and cultural characteristics of states, the utilitarian nature of modernization, and the focus on achieving economic and political leadership in the international arena while maintaining national cultural identity.

Key words: technocracy, technological determinism in political and legal doctrines, technological leadership, technological sovereignty, state policy of scientific and technological development.

Funding: Independent work.

Введение.

Современная политическая карта мира представляет собой совокупность конкурирующих государств и целых регионов, претендующих на первенство в перераспределении ресурсов, рабочей силы и товарных рынков.

Движущей силой геополитического соперничества выступает возможность государств или их объединений обеспечивать своевременное освоение инноваций и повсеместное внедрение их в экономику.

Как известно, промышленная революция конца XVIII века упрочила статус Великобрита-

нии как мировой экономической и военной державы, окончательно затмив бывшее могущество Испании и Португалии.

Вторая промышленная революция конца XIX века вывела на мировую арену США и Германию, сформировала предпосылки для усиления международного экономического влияния Японии и России.

Научно-техническая революция середины XX века сопровождала глобальное противостояние СССР и США и созданных ими военно-экономических блоков.

Информационная революция, начавшаяся в 1990-е годы и совпавшая с крахом биполяр-

ного мира, создала возможности для децентрализации управления и контроля, в том числе и в публично-властной сфере, более свободного экономического поведения, трансформации структуры национальных экономик и возникновения новых экономических центров. Информационные технологии стали материально-технической базой современного многополярного мира, представленного множеством региональных экономических лидеров, вследствие чего риск хаоса и усиления конкуренции между государствами возрастает [1, с. 67].

В силу указанных причин, приоритетным направлением для ведущих экономик мира становится обеспечение технологического лидерства как условия и принципа сохранения национального суверенитета.

Например, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 года поставлена задача формирования правовой среды для развития новых рынков и технологий.

Для достижения данной цели формируется соответствующая правовая основа, создаются программные документы, определяющие основные направления государственной политики в сфере науки и технологий. В частности, Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 года № 145 утверждена Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года, целью которой является «обеспечение независимости и конкурентоспособности государства, достижения национальных целей развития и реализации стратегических национальных приоритетов путем создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации» [2].

Обсуждение.

Научно-технический прогресс сегодня нередко измеряют степенью внедрения каким-либо обществом технологических новшеств [3, с. 7].

Подтверждением этому выступает тот факт, что во многих государствах также приняты стратегические документы, определяющие ключевые направления научно-технологического развития.

В Китае разработана национальная программа «Сделано в Китае 2025», определившая прикладные направления внедрения инноваций в различные отрасли национальной экономики:

- информационные технологии;
- автоматизированные системы управления и робототехника;
- аэрокосмическая техника;

- морское инженерное оборудование и высокотехнологичный морской транспорт;
- железнодорожное оборудование;
- энергосбережение и транспортные средства на альтернативных источниках энергии;
- энергетическое оборудование;
- новые материалы;
- медицина и медицинские приборы;
- сельскохозяйственная техника.

В Германии действует аналогичная китайской национальная программа «Индустрия 4.0», нацеленная на развитие ресурсосберегающих технологий, подготовку кадров для инновационных технологий и оптимизацию производства [4, с. 52 - 53].

В США, где система правового регулирования наиболее децентрализована, тем не менее, наблюдаются тенденции к определению стратегии инновационного развития экономики на национальном уровне. В годы правления Б. Обамы была принята Стратегия инновационного развития США (первоначальная редакция – в 2009 году, впоследствии обновлялась в 2011 и 2015 годах), затронувшая широкий перечень технологий, подлежащих освоению: точная медицина, нейротехнологии, система «умный город», «зеленая» энергетика, инновации в образовании, прорывные космические технологии. С активным развитием систем искусственного интеллекта Президентом Д. Трампом принят ряд указов, положенных в основу Национальной инициативы в области искусственного интеллекта, ставящей задачу обеспечить сохранение лидерства Соединенных Штатов в области исследований и разработок в области искусственного интеллекта, возглавить мировой процесс разработки и использования надёжных систем искусственного интеллекта в государственном и частном секторах, подготовить рабочие кадры к интеграции систем искусственного интеллекта во все сферы экономики и общества, координировать исследования и разработки в области искусственного интеллекта между гражданскими и военными ведомствами [5].

В Японии в последнее десятилетие, начиная с 2014 года, реализуются Программа развития стратегических инноваций и Программа стимулирования прорывных исследований и разработок, направленные на развитие экологически эффективной энергетике, современного здравоохранения, инфраструктуры, нивелирования последствий землетрясения 2011 года [6].

В Иране после победы Исламской революции в условиях экономических санкций взят

курс на построение суверенной экономики, опирающейся на внутренние ресурсы и технологии. В частности, начиная с 2022 года, приняты три новых закона, регулирующих инновационную деятельность. К их числу относятся Закон о прорыве в производстве, основанном на знаниях, Закон о поддержке компаний, основанных на знаниях, Закон о наукоёмком производстве [7].

Результаты.

В то же время, научное обоснование стратегических технологических инициатив, реализуемых правительствами различные государств, формировалось на протяжении последнего столетия. В связи с этим, представляется необходимым рассмотреть систему политико-правовых взглядов на проблемы научно-технологического развития современного общества, отраженные впоследствии в программных документах.

Интенсивность научно-технических открытий, тенденции к их повсеместному распространению во многих отраслях экономики качественным образом повлияли на мышление человека, обусловили возникновение так называемого техноцентричного мировоззрения, в основе которого лежат понятия, категории, символы технической природы, раскрывающие суть антропогенного мира.

«Машинизация» мышления (в терминологии Н.А. Бердяева) подтолкнула мыслителей XX столетия к выработке концептуальных основ, определяющих характер развития социальных институтов в эпоху активного внедрения технологий и машин.

Одним из первых концептуализированных направлений следует считать технократические теории, возникшие на Западе (главным образом, в США) в 1920-е годы и стремительно распространившиеся по планете, в том числе благодаря популярности американского высшего образования.

Одно из первых понятий технократии было сформулировано в 1919 году в американским инженером Уильямом Г. Смитом: это система государственного управления, построенная на началах участия служащих, ученых и инженеров [8, С. 214].

В 1920 году при участии Торстейна Веблена и Говарда Скотта основано общество «Технический альянс», целью которого было изучение тенденций общественно-экономического развития стран Северной Америки. Принципы рационализма, технико-экономической эффективности, определявшие характер деятельности данного сообщества, были положены впоследствии в

основу политики «Нового курса» президента Франклина Д. Рузвельта. После Великой депрессии, начавшейся в 1929 году, доверие правительства к институтам, спекулировавшим финансовыми ресурсами, было подорвано. Государство избрало путь развития «реальных» отраслей экономики, обеспечения национальной финансовой системы не продуктами спекулятивного капитала, а результатами развития инфраструктурных и производственных проектов. С приходом к власти Герберта Гувера, а впоследствии – Франклина Рузвельта в органы власти стали привлекать специалистов тех отраслей, управление которыми осуществлял тот или иной государственный орган. Данное направление получило название «экспертной политики» (в англоязычной литературе понятия «технократы» и «общество экспертов» были синонимичными). Известно, что восемнадцать членов Технократического альянса получили высокие должности в экономических комитетах администрации президента Ф. Рузвельта, включая Европейскую комиссию, Федеральную комиссию по энергетическому регулированию и Федеральную комиссию по ценам [9, с. 78].

В Китае технократические идеи обрели популярность уже на заре данного движения. Этому способствовали выпускники американских и британских вузов, вернувшихся в Китай по окончании обучения. По замечанию профессора Лю Юнмоу, Колумбийский университет в Нью-Йорке стал «альма-матер» для многих представителей китайского «общества экспертов»: тридцать три выпускника западных вузов стали членами республиканского правительства в Нанкине в 1928 году, а тринадцать из них учились в США [9, с. 74]. Технократы участвовали в деятельности государственных органов в роли консультантов, а также непосредственно занимали государственные должности. В частности, благодаря их содействию, были созданы качественно новые отрасли экономики – оборонная и тяжелая промышленность.

При этом в самом Китае технократическая мысль была сосредоточена не столько на вопросах эффективности экономики (что было актуально для экономически и промышленно развитых США), сколько на проблемах индустриализации и интенсификации производства, что требовало больших энергетических, финансовых и интеллектуальных затрат. Идеи технократизма, ввиду их буржуазного происхождения, были подвергнуты критике в первые годы после победы правительства Мао Цзэдуна, однако, тенденции

подготовки технических специалистов для экономики и государственного управления сохранялись даже в период «культурной революции», что создало почву для возрождения технократизма в годы обновления после смерти Мао. В частности, к технократам эпохи коммунистического Китая относят и Дэна Сяопина, инициатора глобальных экономических реформ, который, как известно, в юности также получил образование на Западе, изучая инженерные науки во Франции.

Реформаторская деятельность Д. Сяопина в целом укладывалась в общую логику технократов «первой волны» 1920-х годов, которая отличалась следующими принципами: учетом китайской специфики (в части экономики и менталитета), умеренным национализмом, нацеленностью на интенсивный экономический рост, преодоление экономического разрыва между Китаем и развитыми государствами Запада. Отражение данных принципов содержится в выступлении Д. Сяопина на XII съезде Коммунистической партии Китая: «Как в процессе революции, так и в процессе строительства нужно серьезно изучать и заимствовать опыт других стран. Однако слепое копирование чужого опыта и чужих моделей никогда к успеху не приводило. <...> Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной реальностью нашей страны, идти собственным путем и строить социализм с китайской спецификой – таков основной вывод, сделанный нами на основе обобщения длинного исторического опыта» [10, с. 5].

В то же время, воззрения Д. Сяопина позволяют говорить о концептуализации особого направления в политико-правовой мысли многих современных государств, вставших на путь ускоренной экономической модернизации – технологического детерминизма. Философия трактует данное понятие как предположение, в соответствии с которым технологии имеют определяющее влияние на общественное развитие.

В политико-правовом смысле, технологический детерминизм не имеет идеологической окраски, а носит утилитарное значение, как концепция, определяющая путь интенсивной, форсированной экономической модернизации за счет заимствования инновационных технологий, положительного зарубежного опыта и привлечения инвестиций (в особенности, иностранных) для целей модернизации. В смысловом выражении, технологический детерминизм как стратегия государственной политики представляется более широкой, чем технократизм, включает в себя не только идею привлечения профильных кадров из

числа технической интеллигенции, но и стратегии, методы и способы наиболее эффективной экономической модернизации. В данном контексте, Д. Сяопин отмечал, что «мы приветствуем у себя иностранный капитал и достижения передовой зарубежной техники, причем управление тоже требует квалификации. Подорвет ли это социализм? Думается, нет, ведь фундамент нашего государства составляет социалистическая экономика» [10, с. 73].

Приведенная цитата свидетельствует, с одной стороны, о внеидеологическом характере модернизации (в части ее источников), а с другой стороны – об исключительно экономических рамках модернизации, что продиктовано соображениями сохранения национального суверенитета и идентичности.

Аналогичная модель модернизации, ориентированная исключительно на экономическую сферу и не затрагивающая политико-идеологическую сторону деятельности государства, реализуется в современном Иране. Как известно, именно всеохватывающий характер реформ, проводившихся в Иране во второй половине XX века, затронувший также и культурно-бытовую сферу жизни общества, стал причиной революционной реакции и возрождению консервативных начал, укоренившихся в государственном строе. Оказавшись в международной изоляции, Исламская республика Иран избрала единственно возможный путь – достижения технологического лидерства в региональном масштабе для обеспечения национального суверенитета и возможностей «экспорта» традиционных ценностей исламской культуры, создав образцовую модель. Концепция технологического лидерства Ирана отражена в выступлении Верховного лидера республики – аятоллы Али Хаменеи – перед студентами одного из университетов Ирана в 2010 году: «Я твердо верю, что инвестирование в науку, технологии и образование элиты является одним из высших приоритетов. Научный прогресс, за которым следует технологический прогресс, предоставит стране и нации возможность достичь материальной и духовной мощи. <...> Мы страдаем от хронической исторической отсталости в этих областях, и это вина тех, кто навязал эту хроническую болезнь нашей великой нации своей политикой, поведением, жадностью и халатностью. И теперь мы полны решимости избавиться от этого тяжелого жернова» [11].

Заключение.

Таким образом, современные политико-правовые концепции технократизма и технологического детерминизма выступают научным и идейным выражением государственной политики в научно-технологической сфере. Их отличает: с внешней, формальной стороны – внеидеологическая природа, которая характеризуется совокупностью способов и приемов государственного

управления в условиях модернизации экономики, а с другой, содержательной стороны – утилитарная направленность, означающая исключительно экономических характер модернизации как условие сохранения культурной идентичности народа и суверенитета государства.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Шепелева Д.В., Долгополов А.А. Цифровизация процедуры управления многоквартирным домом: во благо ли? // Современное право. – 2024. – № 5. – С. 67-70.
2. Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.
3. Корнев А.В. Технологические революции и право // История государства и права. – 2019. - № 5. – С. 3 – 10.
4. Беляков Г. П., Гретченко А. И., Беляков С. А., Рыжая А. А. Опыт стратегического планирования научно-технологического развития в ведущих зарубежных странах // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. №15-1. С. 51 – 55.
5. American Artificial Intelligence Initiative: Year One Annual Report [Электронный ресурс]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/02/American-AI-Initiative-One-Year-Annual-Report.pdf> (дата обращения: 24.02.2025).
6. Japan's Science and Technology Budget and Policy [Электронный ресурс]. URL: <https://internationaleducation.gov.au/International-network/japan/countryoverview/Documents/Japan%20-%20-%20Science%20and%20Technology%20Budget%20and%20Policy.pdf> (дата обращения: 24.02.2025).
7. Введено новое законодательство для стимулирования компаний, основанных на знаниях // Российское Информационное Агентство Iran.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.iran.ru/news/economics/127579/Vvedeno_novoe_zakonodatelstvo_dlya_stimulirovaniya_kompaniy_osnovannyh_na_znaniyah (дата обращения: 24.02.2025).
8. Sleepers Jones B. Wake! Technology and the Future of Work. – 4th ed. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1995. – 292 p.
9. Юнмоу Л. Технократия в США и Китае: теория и практика китайской экспертной политики в эпоху нанкинского правительств (1927–1949 годы) // Технологос. – 2019. – № 2. – С. 68–91.
10. Сяопин Д. Основные вопросы современного Китая. М., 1988. – 256 с.
11. Leader's Speech to Young Elites [Электронный ресурс]. URL: <https://english.khamenei.ir/news/1400/Leader-s-Speech-to-Young-Elites> (дата обращения: 24.02.2025).

References:

1. Shepeleva D.V., Dolgoplov A.A. Digitalization of the procedure for managing an apartment building: is it for the good? // Modern Law. – 2024. – № 5. – Pp. 67-70.
2. Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 No. 145 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 10. Art. 1373.
3. Kornev A.V. Technological revolutions and law // History of the state and law. - 2019. - № 5. - Pp. 3 - 10.
4. Belyakov G.P., Gretchenko A.I., Belyakov S.A., Ryzhaya A.A. Experience of strategic planning of scientific and technological development in leading foreign countries // Russia: trends and development prospects. 2020. No. 15-1. P. 51 – 55.
5. American Artificial Intelligence Initiative: Year One Annual Report [Electronic resource]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/02/American-AI-Initiative-One-Year-Annual-Report.pdf> (date of access: 24.02.2025).
6. Japan's Science and Technology Budget and Policy [Electronic resource]. URL: <https://internationaleducation.gov.au/International-network/japan/countryoverview/Documents/Japan%20-%20-%20Science%20and%20Technology%20Budget%20and%20Policy.pdf> (accessed: 24.02.2025).
7. New legislation introduced to stimulate knowledge-based companies // Russian Information Agency Iran.ru [Electronic resource]. URL: https://www.iran.ru/news/economics/127579/Vvedeno_novoe_zakonodatelstvo_dlya_stimulirovaniya_kompaniy_osnovannyh_na_znaniyah (accessed: 24.02.2025).
8. Sleepers Jones B. Wake! Technology and the Future of Work. – 4th ed. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1995. – 292 p.
9. Yunmou L. Technocracy in the USA and China: Theory and Practice of Chinese Expert Policy during the Era of the Nanjing Government (1927–1949) // Tekhnologis. – 2019. – № 2. – Pp. 68–91.
10. Xiaoping D. Main Issues of Contemporary China. Moscow, 1988. – 256 p.

11. *Leader's Speech to Young Elites [Electronic resource]. URL: <https://english.khamenei.ir/news/1400/Leader-s-Speech-to-Young-Elites> (accessed: 02/24/2025).*

Информация об авторах:

Самушкин Никита Денисович аспирант кафедры теории государства и права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), e-mail: NDSamushkin@msal.ru

Nikita D. Samushkin, Postgraduate student of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MGUA)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.03.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.